

Путь домой: возвращение на родину нижних чинов русской армии в 1813-1822 гг. (по документам АВПРИ)

Вопрос о русских военнопленных, от момента пленения и до возвращения на родину, на сегодняшний день по-прежнему остается малоизученным.

Цель данного сообщения рассмотреть один из аспектов этой многогранной проблемы, а именно возвращение на родину бывших русских военнопленных и дезертиров, оказавшихся за границей в период антинаполеоновских войн.

В этой связи были поставлены следующие задачи: во-первых, выяснить роль МИД в решении этой проблемы, во-вторых, проанализировать позицию государства по этому вопросу.

Комплекс документов, отложившийся в Архиве внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД РФ (АВПРИ), дает некоторое представление о том, как проводилась работа по возвращению на родину военнопленных и дезертиров, оказавшихся за пределами России. В основном это донесения русских посланников и консулов, сообщающих в Коллегию иностранных дел о предпринятых ими мерахⁱ.

Для выяснения позиции государства по вопросу о бывших военнопленных и дезертирах был проанализирован комплекс нормативных актов, опубликованных в Полном собрании законов Российской Империи. Это Манифест от 30 августа 1814 года, Конвенция, заключенная в Париже 8 ноября 1815 года, правила о приеме и водворении возвращающихся из-за границы беглых, Декларация, заключенная между Дворами российским и австрийским о взаимной выдаче дезертиров, Конвенция с королем Прусским о выдаче беглых и некоторые др.ⁱⁱ

Представление о том, каким образом нижние чины попадали за пределы родины, дает так называемая «"Сказка", взятая от унтер-офицера Сумского Гусарского полка Карпа Мухина».

Итак, императорскому российскому посланнику в Дании В.Г. Лизакевичуⁱⁱⁱ 16 декабря 1812г. дня был представлен прибывший из города Киля российский подданный «санкт-петербургский уроженец Карп Антонов Мухин, который объявил, что находясь в военной службе с 1784 г. служил младшим вахмейстером в Сумском гусарском полку, в прошедшем октябре был забран французами в плен, находясь на форпостах близ Смоленска, и будучи ими отвезен в Кенигсбергский госпиталь, оттуда бегством освобожден, достигнув города Киля. Сюда прибыл в намерении воротиться к команде своей. Для чего и убедительно просил о вспоможестве Российское посольство в Копенгагене»^{iv}. Карпу Мухину повезло, в 1813 г. он был отправлен засчет чрезвычайных издержек посольства обратно в действующую армию.

Но далеко не всем военнопленным удалось вернуться в действующую армию в период боевых действий. Часть из них осталась за границей и вернулась на родину значительно позднее.

Так, в октябре 1815 года посланник России в Дании В.Г. Лизакевич извещает о прибывших в Копенгаген на французских фрегате «Евридика» и бриге «Гусар» 320 человек российских матросов и об отправлении оных в Россию^v.

Генеральный консул в Лондоне А.Я. Дубачевский сообщал в 1814г., что англичане за отправление одного человека на родину, требуют по 15 гиней, но это слишком дорого, посольство не располагает такими суммами. И тогда он нашел другой выход: «...более 120 из сих бедствующих российских подданных пристроились минувшею зимою на разных российских кораблях к местам. Около 200 человек, получив от меня виды покровительства нашли, конечно, сами себе пропитание»^{vi} В 1816 г. А.Я. Дубачевский^{vii} докладывает об отправленных из Англии в Россию российских матросах и солдатах, о платеже купцу Бейеру 3154 руб. и 15коп. издержанных на отправление^{viii}.

Министр-резидент в Гамбурге, статский советник Г. Струве^{ix} в феврале 1820 г. сообщил о том, что нередко к миссии являются российские и польские солдаты, возвращающиеся либо из плена, либо из другой иностранной службы. Струве пишет: «Я беру смелость при сем приложить роспись тех бедных русских и поляков, которых я снабдил маршрутами и деньгами на возвратную в их отечество дорогу». Среди двух десятков польских солдат встречаются и русские фамилии. Это «Ермолай *Андреев*, кононер в императорском российском корпусе, без документов» отправлен в Россию через Мангейм, Фулда, Эрфурт, получил 1,5 червонца. «Иванов, русский пленник во Франции». Из документов имеет аттестат хозяина при котором служил во Франции. Отправлен через Баварию, Саксонию и Пруссию в Россию. Получил 1,5 червонца^x.

Конечно, никаких документов о том, что солдаты попали в плен, у них не было, и сотрудникам миссии приходилось верить им на слово. Но русские дипломаты помогали вернуться на родину не только русским, но даже тем полякам, которые имели французские паспорта и сообщали, что служили во французской армии.

В августе 1822 г. министр иностранных дел К.В. Нессельроде^{xi} дает поручение графу Д.М. Алопеусу^{xii}, российскому посланнику в Берлине, «исходатайствовать у прусского правительства пересылку этапным способом русских и польских бродяг и беглых, появляющихся к франкфуртским и другим миссиям»^{xiii}. Нессельроде ставит об этом в известность и князя П.М. Волконского, начальника Штаба его императорского

величества.^{xiv} П.М. Волконский в ответном письме высказывается в том смысле, что желательнее не пускать их дальше «польских пределов».

Барон П.Я. Убри^{xv}, российский посланник в Неаполитанском королевстве, тоже извещает, что к миссии выходят российские и польские подданные и изъявляют желание вернуться на родину. Убри предлагает также организовать отправку этапным способом русских солдат из Неаполя, испрашивает у Нессельроде более подробные инструкции^{xvi}.

Иными словами, нижние чины русской армии, оказавшиеся за рубежом по разным причинам: дезертирство, плен или какие-либо иные обстоятельства, обращаются в русские посольства, консульства и миссии с просьбой помочь вернуться на родину. И получают необходимую помощь. Возникает вопрос, на основании каких юридических документов действовали русские миссии.

В Манифесте от 30 августа 1814г. «об учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей, о разных льготах и милостях», в разделе льготы и милости, п. 15, было указано, что «всякого рода и звания военным людям, крестьянам и прочим обывателям, отлучившимся из отечества, жилищ и команд их самовольно, даруем прощение, буде пребывающие внутри России возвратятся от сего числа в течение года, а из иностранных земель в течение двух лет».^{xvii} Но из-за того, что эти люди малограмотны, без денег, без знания языка, без документов, то этот процесс у них занял довольно длительное время. И поскольку срок действия манифеста закончился, то дипломатические миссии практически на свой страх и риск занимались отправкой на родину бывших военнопленных и дезертиров. Именно в связи с этим русские посланники в Европе неоднократно обращались к министру иностранных дел графу Нессельроде с просьбой дать инструкции по этому вопросу.

Миссии снабжают бывших дезертиров и военнопленных деньгами, документами, маршрутами следования, организуют пересылку «этапным способом», помогают устроиться на корабли и отправиться на родину.

Посольства помогали за счет казенных денег, средства расходовались по статье «чрезвычайные издержки», естественно, это не могли быть большие деньги. Но других денег государство не выделяло. Тем не менее вплоть до 1822 г. посольства работают в этом направлении, помогают русским нижним чинам вернуться домой.^{xviii} Но пока русские посланники и консулы решали проблему, как отправить солдат на родину, власть решала вопрос, как не пустить на родину людей, ставших неудобными.

Неоднократные обращения русских посланников и консулов к высшестоящему начальству возымели свое действие. Они получили депешу, в которой имелись прямые указания как императора, так и министра иностранных дел Нессельроде по вопросу о военнопленных. Хотя, судя по всему, дипломатический корпус надеялся на иную реакцию.

Итак, министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде сообщал начальнику Штаба его императорского величества князю Волконскому следующее: «Его Величество, находя возвращение сих солдат вовсе бесполезным для государства, не изъявил высочайшего соизволения, чтобы они отправляемы были на казенный счет, повелел только заплатить за издержки, учиненные на высланных уже в Россию и царство Польское солдат»^{xix}.

Более подробно отношение императора и правительства к бывшим русским и польским военнопленным и дезертирам, оставшимся за границей, прослеживается в депеше К.В. Нессельроде к П.Я. Убри от 15 марта 1822 г.: «Я довел до сведения государя Императора полученные мною в разные времена депеши ваши... в коих испрашиваете Вы инструкции касательно отсылки... российских и польских подданных, изъявивших желание возвратиться в свою родину.

Его Императорское Величество приняв предмет сей в уважение не полагает, чтобы возвращение сего рода людей принесло какую-нибудь пользу... отнюдь нельзя предположить, чтобы они по долгом отсутствии и по испытании разных перемен, сделавшись чуждыми своему отечеству, удобно могли обратиться к прежним своим обычаям и принять прежний образ жизни. В какое бы состояние они не вступили бы в России, надлежит полагать, что все будут более в тягость своему отечеству, нежели принесут ему какую-либо пользу, а потому Российскому правительству нет никакой выгоды иметь сих подданных, которые сверх того, кажется, и самопроизвольно оставили свое отечество.

...Его Императорское Величество, конечно же, не имеет намерения совершенно запретить им возвращаться в Россию, если только найдут они случай, но полагает, что правительство нимало не обязано давать им к тому средства.

...Наконец, что принадлежит до тех людей, которых отправили вы прежде получения сей депеши, по назначенному в рапорте вашем под № 93 порядку, то государь Император позволяет вам поставить на счет чрезвычайных расходов миссии те деньги, которые требуются будут генералом Фримоном^{xx} за отправленные... до границы австрийских владений, и вторично уверить его, что издержание на дальнейшие отправление их в Россию или в Польшу деньги заплачены будут надлежащим начальством, по предоставлению счета»^{xxi}

Таким образом, депеша Нессельроде от 15 марта 1822 г. положила конец деятельности чиновников МИД по возвращению нижних чинов российской армии на Родину. Стало ясно, что впредь правительство не будет выделять на это средства. Бывшие военнопленные и дезертиры стали для русских властей обузой.

Анализ опубликованных в ПСЗ нормативных актов показывает, что российское законодательство военнопленными называет французов, поляков итальянцев и др. В отношении русских нижних чинов, оказавшихся за пределами России применяется только один термин - «беглые», т.е. российские власти в отношении нижних чинов

российской армии не делали разницы между статусом военнопленного и дезертира.

Но даже после завершения срока действия всемилоостивейшего Манит феста от 30 августа 1814 г. (с 1817 по 1822 г.) дипломатический корпус Российской империи самостоятельно принимал решения о бывших русских военнопленных и дезертирах, проявляя при этом милосердие и сострадание, брал на себя ответственность как за расходование средств, так и за неудовольствие властей. Отношение к своим соотечественникам, попавшим в трудную не только материальную, но и нравственную ситуацию дает четкое представление и о том времени, и о людях, которые тогда жили.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ АВПРИ.Ф.1.Оп.П-15.1813.Д.9,26;1814.Д.2;1815.Д.6;1816.Д.18,30;1818. Д.4.

ⁱⁱ ПСЗ. Собрание I. Т. 32,33.

ⁱⁱⁱ Лизакевич Василий Григорьевич (ум. В 1815 г.), российский дипломат, 1800-1815гг. посланник в Копенгагене с перерывом в 1813-1814 гг.

^{iv} АВПРИ.Ф.1.Оп.П-15.1813.Д.26.Л.3.

^v Там же. 1815.Д.6.Л. 1.

^{vi} Там же. 1814. Д. 2. Л. 20.

^{vii} Дубачевский Андрей Яковлевич (р. 1757 г.), российский дипломат, с 1757 г. По июль 1812 г. генеральный консул в Лиссабоне, в 1813-1823 гг. генеральный консул в Англии.

^{viii} АВПРИ.Ф.1.Оп.П-15.1816. Д. 30. Л. 3.

^{ix} Струве Генрих Антонович (1770-1850), с 1795 г. на российской службе, российский дипломат, в 1815-1843 гг. генеральный консул в Гамбурге, в 1843-1850 гг. чрезвычайный посланник при Ганзейских городах.

^x АВПРИ.Ф.1.Оп.П-15.1816.Д.18.Л.42-43.

^{xi} Нессельроде Карл Васильевич (1780-1862), граф, российский государственный деятель и дипломат, после неудачной попытки сделать карьеру в армии в 1801 г. стал дипломатом: служил чиновником русской миссии в Берлине. Гааге, Париже; с августа 1815 г. статс-секретарь, с 9(21) августа 1816г. управляющий Министерством иностранных дел, с 1828 г. вице-канцлер, с 1845 г. канцлер. Один из инициаторов развязывания Крымской войны 1853-1856 гг. После позорного поражения в войне и завершения Парижского конгресса 1856 г. Нессельроде был уволен в отставку Александром II.

^{xii} Алопеус Давид Максимович (1769-1831), граф, российский дипломат, в 1789 году поступил на русскую службу в Коллегию иностранных дел, с 1803 г. по май 1812 г. последовательно посланник в Стокгольме, Неаполе, Штутгарте. В 1809 г. участник мирных переговоров со Швецией. С апреля 1813 г. по июнь 1831 г. посланник в Берлине. В 1814-1815 гг. генерал-губернатор Лотарингии. В 1820г. Возведен в графское достоинство.

^{xiii} АВПРИ.Ф.1.Оп.П-15.1816.Д. 18.Л.53.

^{xiv} Волконский Петр Михайлович (1776—1852), светлейший князь, генерал-фельдмаршал, министр Императорского двора и уделов. В Отечественную войну 1812 года состоял при особе государя. В кампанию 1813 и 1814 гг. находился при государе в звании начальника Главного штаба. По окончании войны на князя Волконского возложены были все распоряжения по передвижению русской армии с Вислы на Рейн. По возвращении в Петербург был назначен начальником Штаба е. и. в., а в день коронации императора Николая I — министром императорского двора. Это звание сохранил до самой смерти.

^{xv} Убри Петр Яковлевич(1774-1847), российский дипломат, в 1812 г. Экспедитор французского языка Коллегии иностранных дел, в 1817 и 1818 гг. временно управлял Министерством иностранных дел и был российским комиссаром на торговых переговорах в Пруссией в Санкт-Петербурге. В 1820-1823 гг. исполнял обязанности посланника в Неаполе, в 1823-1824 гг. посланник в Нидерландах, в 1824-1835 гг. посланник в Мадриде.

^{xvi} АВПРИ.Ф.1.Оп.П-15.1816.Д. 18.Л.87.

^{xvii} ПСЗ. Собрание I.Т.32 (1812-1815)№25671. С. 908.

^{xviii} АВПРИ.Ф.1.Оп.Н-15.1816.Д.18.

^{xix} Там же. Л.93.

^{xx} Фримон Иоганн Мария (1759-1831), барон, затем граф, с 1821 г. князь Антродокко, австрийский генерал. Участник кампании против Франции в 1805 и 1809 гг. В 1812 г. командовал дивизией во вспомогательном корпусе Шварценберга, в начале 1813 г. временный командующий этим корпусом. В кампании 1813-1814 гг. командовал корпусом в составе Богемской армии. В 1815г. командующий австрийскими войсками Далмации и Верхней Италии. С 1819 г. командовал австрийскими войсками в Венецианских провинциях, затем в Неаполитанском королевстве, с 1825 г. в Ломбардо-Венецианском королевстве.

